

УДК 94 (47)

ЦЕСАРЕВИЧ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ О СОСТОЯНИИ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ХОДЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг.

МУМИНОВА Екатерина Михайловна,кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных наук,
Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета**АННОТАЦИЯ.** В статье рассказывается об оценке наследником престола боеспособности Российской армии в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Русско-турецкая война 1877–1878 гг., цесаревич Александр Александрович, Рушчукский отряд, осада Плевны.**MUMINOVA E.M.,**Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of History and Social and Humanitarian Sciences,
Borisoglebsk Branch of Voronezh State University

CESAREVITCH ALEKSANDER ABOUT THE STATE OF RUSSIAN ARMY DURING RUSSO-TURKISH WAR 1877–1878

ABSTRACT. The article deals with combat capability evaluation of Russian army during Russo-Turkish war 1877–1878 according to the heir to the throne.**KEY WORDS:** Russo-Turkish war 1877–1878, cesarevitch Aleksander, Rushchuksky group, siege of Plevna.

В России с середины 1870-х гг. наблюдался необычайный патриотический подъем, вызванный восстанием сербов и болгар против турецких угнетателей. Российское общество подталкивало правительство к необходимости поддержать угнетаемые турками единоверные славянские народы. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была десятой войной, которую Россия вела с Турцией, начиная с XVII в. Эта война отличалась от всех предыдущих. В статье анализируется оценка русской армии в ходе войны, данная наследником российского престола Александром Александровичем.

Цесаревич Александр писал в это время в своем дневнике: «Вся Россия говорит о войне и желает ее и вряд ли обойдется без войны. Во всяком случае, она будет одна из самых популярных войн и вся Россия ей сочувствует» [1, л. 61]. Наследник престола был заражен идеей «освободительной миссии России» [2, с. 17]. Александр Александрович попадает под влияние военной партии, которая «старалась привлечь к себе цесаревича» [3, с. 215]. Ее представители сумели внушить цесаревичу сочувствие «к готовящейся затее» [3, с. 215]. Он «принимал к сердцу готовящееся движение и по молодости лет и неопытности содействовал известному настроению» [3, с. 215]. В это же время наследник престола получает совет от К.П. Победоносцева, с которым он был дружен, быть осмотрительным и сдержанным в своих высказываниях: «Дело освобождения свято, и благослови его Господь, но в теперешнем положении вашем то будет золотое слово, которое останется невысказанным» [4, с. 46–47].

В целом «движение в поддержку славян не было однородным, и очень многие, не отвергая мысль о помощи, были против военного вмешательства России в эту борьбу» [2, с. 17]. Если наследник престо-

ла Александр изначально считал, что «Россия не должна оставить плохо вооруженных единоверцев на расправу турецкой армии» [2, с. 17], то император Александр II, поддерживаемый министром внутренних дел, военным министром и министром финансов, был более сдержанным при принятии ответственного решения, понимая, что «армия и экономика к войне не были готовы» [5, с. 25]. Это раздражало и даже выводило из себя цесаревича. В письме к К.П. Победоносцеву он жалуется на министра иностранных дел Горчакова, обвиняя его в нерешительности, обусловленной преклонным возрастом, и военного министра Милютина, который, по его мнению, «желал бы избегать войны, потому что чувствует, что многое прорвется наружу» [2, с. 17].

Вместе с тем наследник престола имел достаточное представление и о том, что если одна часть российского общества поддерживает идею освободительной войны, то другая часть считает, «что у нас ничего нет – ни денег, ни начальников надежных, ни вещественных средств, что военные силы не готовы, не снабжены, не снаряжены» [4, с. 49] и что «война ляжет огромным грузом на экономику и финансы, не говоря уже о людских потерях» [2, с. 17].

Александр Александрович в целом знал, в каком состоянии находятся российские вооруженные силы. Он был осведомлен, насколько «сильно ожесточение против морского ведомства, которое ничего не сделало для защиты... Все ропщут, что со стороны морского ведомства нет никаких мер, хотя многое можно было сделать» [4, с. 61]. Цесаревич отмечал: «До чего дошло наше Морское министерство – это просто отвратительно и подло! Да и все у нас в этом роде во всех министерствах; Военное мини-

стерство не лучше Морского – это мы увидели теперь при мобилизации войск!..» [6, л. 20 об.].

Наследник престола пристально следил за реорганизацией русской армии и «близко принимал к сердцу все неудачи, связанные с перевооружением наших войск» [2, с. 98]. Он был инициатором «в деле перехода у нас к металлическим патронам» [2, с. 98]. За свой счет цесаревич на Путиловском заводе «решился... переделать 10000 шт. 6-линейных винтовок по вновь предложенной ... системе с металлическим патроном» [2, с. 98]. Александр Александрович был настойчив в достижении поставленной цели. Он уделял большое внимание вооружению русской армии современными по тому времени образцами стрелкового оружия. По мнению известного конструктора стрелкового оружия В.Г. Федорова, «русско-турецкая война показала, что наши войска в этом отношении не уступали своему противнику» [7, с. 247]. По ходатайству Михайловской артиллерийской академии наследник престола был удостоен «звания почетного члена академии» [2, с. 101] с формулировкой «за постоянное внимание, которое его высочество обращает на предметы военной техники...» [2, с. 101].

Славянофильские настроения наследника престола, его искреннее желание оказать вооруженную помощь братьям-славянам были хорошо известны верхушке военной и политической элиты России. И цесаревич испытал удовлетворение, когда после длительных совещаний и споров было принято решение «в пользу военного вмешательства» [2, с. 17]. 12 апреля 1877 г. был обнародован царский Манифест, объявлявший войну Турции.

Цесаревич Александр в свите отца направляется в Бессарабию «в собранные на границе войска» [8, с. 76]. Инспекционная поездка была непродолжительной. Цесаревич возвращается в столицу. После краткого отдыха, 21 мая Александр вместе с отцом императором Александром II отбывает в действующую армию на Балканский театр военных действий, где будет находиться до февраля 1878 г.

26 июля 1877 г. цесаревич получает под свое начало Руцукский отряд, состоящий «из двух корпусов численностью 75 тысяч человек» [8, с. 76], который «должен был воспрепятствовать обходному маневру турок с целью зайти в тыл российским армиям, которые осаждали проход через Балканы, прежде всего крепость Плевну и перевал Шипку. Этот отряд, один из трех, составлявших Дунайскую армию» [2, с. 17], расположился «в стороне от районы главных боевых действий» [8, с. 76], тем не менее «и здесь был весь набор боевых действий: атаки и отступления, рекогносцировки и контратаки» [2, с. 18].

В целом отряд под командованием наследника престола достаточно успешно справлялся с поставленными боевыми задачами, «не дав турецким войскам прорвать фронт», и заставил турок перейти к обороне» [2, с. 18]. Сам наследник престола в письме жене объективно оценивал роль своей группы войск: «Тяжело то, что мы не можем действовать решительным образом и должны только оберегать себя, а главное – всю нашу армию, с левого ее фланга, и постоянная ответственность за всякую случайность постоянно висит над моей головой. Такого рода задача и скучная, и труднее всякой атаки или штурма, и заставляет много думать и работать, и постоянно быть бдительным день и ночь, что утомляет сильно и войско, и начальство. Но видно так следует, и что это для нашей же пользы такая

серьезная военная школа, и я преклоняюсь перед этим. Даст Бог нам только выйти из этого с честью и славой, и тогда все будет хорошо» [9, л. 55–57].

Оказавшись в боевой обстановке, цесаревич Александр становится более рассудительным, «он сразу прозрел» [3, с. 215]. Реальные боевые события дали возможность ему убедиться в том, что русское командование «недоценило способности к сопротивлению турок» [10, с. 70]. Успешные боевые действия русской армии в течение первых трех недель сменились целой серией неудач. Самую крупную неудачу русская армия потерпела под Плевной, потеряв при первом штурме этой крепости более 2500 своих солдат и офицеров. Поражение под Плевной привело к тому, что «начавшееся триумфальное шествие к Царьграду неожиданно затормозилось, и общий план кампании видоизменился» [10, с. 97].

Цесаревич в написанном после неудачи под Плевной письме замечает: «Не думали мы, что так затянется война, а начало так нам удалось, и так хорошо все шло и обещало скорый и блестящий конец, и вдруг эта несчастная Плевна! Этот кошмар войны» [2, с. 18]. Начавшееся выдвижение своего отряда на Руцук наследник престола вынужден был остановить. Русские войска вынуждены были перейти к обороне на всех участках, где они входили в соприкосновение с турками.

Письмо наследника престола передает его душевное состояние: «Грустно, страшно и тяжело, но не следует падать духом и Бог нам поможет, я уверен, выйти из этого положения» [11, л. 69–69 об.]. Вместе с тем цесаревич начинает анализировать причины неудач русской армии, отмечая, что «турки оказываются гораздо сильнее, чем мы предполагали сначала» [12, л. 64 об.]. «Не думали мы тоже, что до такой степени турки... сильны и войско их будет хорошо драться, как оно дерется теперь, и постоянно у них войска прибавляются, и в настоящую минуту они численно превышают нашу армию» [3, с. 183]. Цесаревича Александра одолевают тяжелые мысли: «...Скоро ли кончится эта ужасная война, и кончится ли она со славой для нашей дорогой России» [3, с. 183]. Его глубокие душевные переживания усиливались известиями из России. Неудачи российской армии тяжело воспринимались мыслящей частью общества. «Мы здесь в ужасном состоянии все, в невообразимом волнении и страхе, вследствие неожиданных неудач под Плевной» [4, с. 69], – сообщал ему К.П. Победоносцев.

Находившаяся в стадии реформирования армия столкнулась с хорошо вооруженной, боеспособной турецкой армией. Это дало возможность наследнику престола не только реально оценить состояние русской армии, но и отметить ее самые уязвимые места. Неудачный ход боевых действий позволяет Александру Александровичу усомниться в профессионализме главнокомандующего Дунайской армии великого князя Николая Николаевича, которого один из хорошо знавших его офицеров характеризовал следующим образом: «У него нет навыка всесторонне обдумывать сложные военные действия и делать общие распоряжения с надлежащими расчетами времени и в связи с действиями на других фронтах. Приказания его внезапные и отрывчатые, без корней в прошедшем и без ясных расчетов на будущее. Убеждать его в необходимости тщательной примерки, прежде чем отрезать, – напрасный труд; это слишком несогласно с его природными свойствами» [13, с. 160].

Наследник престола дает еще более уничижительную оценку деятельности главнокомандующего: «...Во всем и везде порядка мало и больше сумбура и беспорядка... Боже избави от подобных главнокомандующих и его начальника штаба всего полевого управления; это просто наказание и кара Божья» [3, с. 187]. Характеристика, данная Александром Александровичем руководящей части штаба Дунайской армии, подтверждалась и мнением современников: «Слабая духом, но безгранично кичливая, не выполняла своих прямых обязанностей, нервничала и от собственной тени приходила в невыразимый ужас. Минуты глубокой веры в свою непогрешимость быстро сменялись часами полнейшего маразма. Каждая весть производила сильное впечатление. Трудно было даже предположить, до какой степени падали духом от малейших неудач, ликовали от призрака возможной победы» [10, с. 91].

Цесаревич Александр считает непростительной ошибкой главнокомандующего великого князя Николая Николаевича отдачу приказа штурмовать Плевну 30 августа в день рождения императора Александра II для того, чтобы «поднести государю подарок в день его имени» [3, с. 185]. «...Эта громадная жертва была принесена напрасно и совершенно бесполезно, что, собственно, не было никакой нужды штурмовать турецкую позицию и что можно было, наверно, предвидеть этот исход» [3, с. 185], – писал наследник престола.

Александр Александрович с болью воспринимает информацию из Петербурга о том, «с какой горечью, с каким негодованием» там «говорят о грубых, невежественных ошибках нашего главного военного начальства, о наших героях, которыми достаточно надивиться нельзя и которые гибнут тысячами от неразумных, невозможных распоряжений начальства» [4, с. 72]. Самую нелюбимую оценку при этом дают действиям главнокомандующего, приписывая ему «главную вину всех несчастий, говорят, что он упорен невыразимо, что не хочет слушать разумных советов, не хочет видеть ошибок и ради упорства шлет даром на смерть полки героев» [4, с. 72].

«Непростительны и преступны со стороны главнокомандующего действия, и нет сомнения, что он должен будет ответить перед всей Россией и отдать отчет Господу Богу за эту отвратительную драму. Положительно, дядя Низи потерял всю свою популярность в войске и всякое уважение к себе, а главное нет у нас больше доверия к нему» [3, с. 185], – отмечал Александр Александрович, глубоко переживая при этом за своего отца, императора Александра II, оказавшегося в очень сложном положении.

Наследник престола считал, что «...положительно не следует Государю быть при армии, если он не главнокомандующий: он только служит помехой, и роль, которую играет при армии, странная, если не сказать больше» [3, с. 180]. «Странное положение Государя при армии, не командуя ею. Я решительно не понимаю, как папа может выдерживать до сих пор это неловкое и даже неприличное положение свое здесь» [3, с. 180]. Александр Александрович говорит о негативном влиянии царской свиты: «Полезь от нее никакой, никому она не нужна, путает и вмешивается во все» [3, с. 180].

Оценка деятельности главнокомандующего с каждым разом у наследника престола становится все жестче и жестче. На исходе войны результаты руководства главнокомандующего русской армии у

цесаревича носят резко отрицательный характер: «Теперь дядя Низи и вся эта кампания увлеклась забалканским походом, никаких распоряжений о продовольствии армии не делают, о сообщениях не заботятся, добиться толку до сих пор нельзя никакого от Полевого штаба; просто отвращение, что за администрация. С каждым днем все больше и больше приходишь к заключению, что дядя Низи – отвратительный главнокомандующий, мерзвейший поляк, и весь штаб и главная квартира – подлейшая сволочь. Ропот на главнокомандующего и его штаб увеличивается с каждым днем, и никакие забалканские победы и успехи не изгладят в армии того впечатления, которое они вынесли из этой 8-месячной кампании; не главнокомандующему Россия обязана последними успехами, а молодецким, геройским и чудным нравственным духом русским войскам и честным начальникам» [3, с. 199].

Длительное нахождение в действующей армии, руководство Русдукским отрядом содействовало изменению взглядов наследника престола на войну как форму разрешения международных споров и способствовало выработке негативного отношения к войне. Цесаревича беспокоили не только наши военные неудачи. Проявляя постоянную заботу о вверенных ему воинских частях, он был удручен плохим снабжением армии: «Что всего более нас беспокоит – это продовольствие армии, которое до сих пор кое-как шло, то теперь, с каждым днем, становится все более и более затруднительным, а фуража для кавалерии уже нет более в Болгарии, и приходится закупать все в Румынии, откуда доставка весьма затруднительна» [3, с. 205]. Железная дорога румынская не успевает подвозить всего нужного для армии и, несмотря на все, что было сделано, и на самые энергичные меры генерала Дрентельна (коменданта тыла армии), который удвоил число поездов в сутки, эта дорога не поспевает перевозить более половины всего нужного на армию» [9, л. 10].

Шапкозакидательские настроения, имевшие место в армейской верхушке накануне войны, успехи первых недель войны и предположение, что войну можно будет завершить к началу осени, не позволили уделить должное внимание подготовке тыловых частей служб обеспечения. Весь период войны снабжение русских войск продовольствием и фуражом было совершенно неудовлетворительным. Отсутствие необходимого количества транспортных средств, заранее разработанного плана организации деятельности путей сообщения и воинских перевозок» [14, с. 307] отрицательно сказались на снабжении армии. Осложняла снабжение армии передача накануне войны функций «интендантства в частные руки» [10, с. 91].

В письме к Победоносцеву наследник престола сообщает: «Вам, конечно, известно существование жидовского товарищества для продовольствия армии; это безобразное товарищество почти ничего не доставляло войскам..., но имеет сильную поддержку в полевом штабе» [3, с. 205]. По мнению цесаревича, это товарищество «продолжает грабить казну самым бесцеремонным образом...» [3, с. 199; 6, д. 798, л. 10 об.].

Александр Александрович всегда проявлял «внимательность к подчиненным» [2, с. 103] и его возмущала нерадивость снабженцев: «Опять хлеба и сухарей не присылают и войска съедают свой 8-дневный запас, а некоторые полки уже съели. Вообще интендантская часть отвратительная, и ничего не делают, чтобы поправить ее. Воровство и

мошенничество страшное, и казну обкрадывают везде в огромных размерах. Что ни поешь, что ни говоришь, ничего не помогает и никаких распоряжений нет, просто отвратительно и портишь себе кровь» [3, с. 187; 9, л. 67 об.].

Медицинское обеспечение войск не ускользает от внимания наследника престола. Стараясь создать приемлемые условия жизни армии, он приказал, чтобы его «отряд выстроил землянки, в которых и тепло, и сухо, и устроены печки» [3, с. 205]. Это способствовало тому, что число «больных значительно уменьшилось», а санитарное состояние армии сохранялось «еще относительно в очень хорошем виде» [3, с. 205]. Но затянувшаяся война привела к большому напряжению сил, плохому питанию, к изношенности одежды и обуви» [14, с. 306], что в целом способствовало увеличению заболеваемости среди личного состава. «Число больных было в 20 раз больше, чем число раненых» [14, с. 306].

Посещая госпитали, цесаревич лично убеждался в их неустроенности, невозможности принять должное количество больных и раненых, невозможности медицинскому персоналу оказать нужную помощь находящимся на излечении больным и раненым из-за недостатка медикаментов и перевязочных материалов. Как человек равнодушный, он искренне переживал из-за невозможности изменить увиденное: «27 августа перешли в Бело... Приехавши туда, я прямо отправился в госпиталь, расположенный недалеко от нас, и нашел его таким переполненным ранеными и больными, что многим не было места и они лежали просто на воздухе на тюфяках. Вообще я был не очень доволен этим госпиталем, от главного доктора никакого толку добиться я не мог. Он ничего не знал; большую часть раненых нашел в грязном белье, в котором их перевезли, и в панталонах; некоторые в сапогах и мундирах; рубашки у многих больных были все в крови, совершенно запекшейся, как они были вынесены из дел, хотя некоторые лежали в госпитале по 5 и 6 дней. Другой госпиталь, № 56, который тоже здесь, гораздо лучше содержан, но тоже переполнен ранеными, всего было более 500 человек, а сегодня прибыло еще 470 человек, раненых под Коцелевым и Аблоновой. Из которых 28 офицеров. Много раненых отправлено далее в Зимницу» [9, л. 59, 60]. Затянувшаяся война только усугубляла положение в госпиталях. Обстановка в них даже под конец войны продолжала оставаться очень сложной.

Осенью 1877 г. наследник престола после очередного посещения госпиталя писал: «Многие ужасно страдают и стонут, другие, напротив, такие молодцы; но когда видишь постоянно все новых да новых раненых и новые мучения, тяжело становится на сердце, и поневоле думаешь: да когда же, Боже, конец этим мучениям, этим жертвам, этой ужасной войне. Тяжело и далеко не привлекательно вид этих несчастных здесь, на месте, в скверной относительно обстановке, в этот холод, без постелей, большей частью просто – на соломе. В Петербурге и вообще по всем городам России раненые блаженствуют и как бы в раю, а здесь, Боже, что они страдают, что претерпевают, через что проходят. Себе представить нельзя, какое впечатление и какой вид представляют наши госпитали теперь, осенью; летом все и везде хорошо и тепло, и тогда все госпитали кажутся отличными. Все, что только можно сделать для улучшения больных и раненых, сделано у нас, да кроме того, сколько пожертвовано вещей, и Красный Крест снабжает всем, чем только

может, а все еще мало на такую массу госпиталей и лазаретов» [9, л. 167, 168].

Наследник престола с горечью замечал, что «по мере продвижения вглубь Болгарии все отчетливее начали проявляться недостатки в организации военно-медицинского обеспечения» [14, с. 306]. Армия испытывала страшный недостаток «гузового санитарного транспорта» [14, с. 306], налицо была «плохая организация медицинской помощи и питания в пути» [14, с. 306]. Картины, которые приходилось наблюдать, были удручающие: раненые лежали «на голой земле, без пищи, покрытые ранами, в которых роились черви, в пыли, в жару, под проливным дождем. Санитары сидят сложа руки, потому что ни одного бинта нет» [4, с. 79]. Раненые, имевшие возможность передвигаться, направлялись пешком до ближайших лазаретов, и при этом в пути «ни куска хлеба! ни перевязки! Медицинское военное управление ничего не заготовило, ... во всех материалах крайний недостаток» [4, с. 79].

Наследник престола был свидетелем того, как горький опыт Русско-турецкой войны способствовал отказу от устаревших «тактических приемов» [14, с. 304] и заставил военачальников использовать приемы, приводящие в первую очередь к достижению победы при меньших потерях военнослужащих. Александр Александрович, вспоминая о боях под Плевной, отмечал, что турки «ждут только штурмов, чтобы встретить нас опять этим убийственным огнем. Теперь решили уже иначе: не штурмовать редуты и укрепления, а подходя к ним правильными осадными путями, и тогда той громадной убыли, слава Богу, не будет... До сих пор брали все прямо на штурм, от этого была у нас страшная потеря, дошедшая за последнее время 16 000 человек убитыми и ранеными, а одних офицеров вышло под Плевной до 300 человек...» [3, с. 184].

Занимая высокую должность, наследник престола постоянно пользовался средствами связи для получения и доставки необходимой информации. Недостаточно высокий уровень связи воспринимался Александром Александровичем очень болезненно: «...Просто наказание с нашими телеграфами, никак телеграммы не доходят до назначения, а если дойдут, то через 2 или 3 дня» [3, с. 187; 9, л. 67, 68]. Вызывала недовольство наследника престола и работа почты: «Беспорядок на почте невообразимый. Решительно во всем только один беспорядок и отсутствие всяких распоряжений: ни на что не похоже, скверно, гадко!» [6, д. 706, л. 188 об.].

Хорошая связь воюющей армии с Россией не была налажена в силу ряда причин, и прежде всего, недооценки сил противника, расчетов на победу «малой кровью» и в короткое время. Это повлекло за собой неудовлетворительную организацию средств связи, особенно почты. В целом нарекания на работу почты и телеграфа, хотя и являлись отчасти справедливыми, но многое объяснялось экстремальными условиями военного времени. Средства связи работали в меру своих возможностей. Однако несомненно, что если бы перед войной об их организации позаботились более глубоко, то они работали бы более оперативно и качественно.

Привлекает внимание наследника престола и действие русской артиллерии. Несмотря на начатое с середины 1870-х гг. перевооружение, российская армия нуждалась в современной артиллерии, которая могла соперничать на равных с турецкой. Наблюдая за действиями нашей артиллерии, Алек-

сандр Александрович отмечает ее уязвимые места: «...Войска ... стояли почти все время под артиллерийским огнем, и, как обыкновенно, наши 4-фунтовые орудия отвечать не могли, так как снаряды не долетают, а против них ... в них валяли из осадных орудий на 3 версты с лишком» [3, с. 189]. И именно «эта ограниченность артиллерийских возможностей не раз потом остро сказывалась на ходе боевых действий русской армии» [10, с. 50].

Недостаточно высокий уровень инженерной подготовки российской армии также отражался на ее боеспособности. Особенно это касается начального этапа войны, когда в войсках «почти отсутствовало такое элементарно необходимое имущество, как саперные лопаты» [10, с. 51]. Пехотные части из-за невозможности солдат окапываться несли серьезные потери, и даже в тылу знали, что это обусловлено «недостатком лопат» [4, с. 75]. Боевой опыт заставил командование «резко изменить отношение к данному вопросу, в войсках стали сравнительно широко применять легкие саперные лопаты» [10, с. 51].

Находясь в Дунайской армии с самого начала боевых действий, наследник престола «получил возможность проявить себя в качестве воина, практически познакомиться с военной службой и военной частью командной элиты» [3, с. 757]. Это дает основание считать его оценки состояния и деятельности российской армии на Балканском театре боевых действий достаточно объективными.

Отдавая должное российским вооруженным силам, которые вели боевые действия на Балканах, цесаревич называет армию молодецкой и дорогой. Мужество, отвага, героизм, терпение, выдержка – эти качества российских воинов наследник престола наблюдал в течение всего времени командования Руцукским отрядом. По оценке цесаревича, российские солдаты – «чудный и великолепный народ» [2, с. 97–98]. Но он был строгим командиром и достаточно объективно оценивал офицеров Руцукского отряда. Недисциплинированность начальника штаба 13 корпуса привела к потере занимаемых позиций, что позволило цесаревичу настоять на снятии его с должности и жестко заметить, что «с подобными подчиненными дело не может идти» [3, с. 169].

На заключительном этапе войны, когда настала пора передавать командование отрядом, наследник престола отмечал: «До чего я привязался к моему дорогому отряду, с которым впервые привелось мне служить серьезно в военное и походное время и разделять с ним и радости, и горе, и нести ответственность» [3, с. 171].

Прощаясь осенью 1878 г. с Руцукским отрядом, цесаревич Александр отмечал: «Расставаясь с войсками, которыми я имею честь командовать в течение шести с лишним месяцев, выражаю сердечную

благодарность всем чинам отряда до солдат, свято и честно исполнившим свой долг в самое тяжелое время боевой службы. Вы были поставлены на страже успехов всей русской армии. На огромном пространстве вы сдерживали значительно превосходящую числом и благоустроенную неприятельскую армию, опирающуюся на грозные крепости. Все усилия отчаянно нападающего врага сломались о вашу доблестную стойкость и непоколебимое мужество... Никогда не забуду, что высокопочтимой военной наградой я обязан славной боевой службе войск Руцукского отряда, с которыми я делил труды и успехи и о которых на всю жизнь сохраню самое отрадное воспоминание» [9, л. 181].

По свидетельству современников, участников русско-турецкой войны, наследник престола обладал качествами «совершенно соответствующими той должности, которую ему пришлось исполнять во время войны» [15, с. 96]. Александра Александровича хвалили «за его хладнокровие, осмотрительность, распорядительность и внимательность к подчиненным» [2, с. 103]. В боевых условиях он «обнаружил себя как человек неробкого десятка, ...ответственный военачальник» [3, с. 757]. Занимая высокий пост, рискуя практически каждый день, видя, что «турецкая кампания для России обернулась большими потерями и тяжелыми боями» [3, с. 757], наследник престола «навсегда получил отвлечение от войны» [3, с. 215]. «Что невыносимо грустно и тяжело, это то, что мы опять потеряли такую массу людей, столько дорогой русской крови пролилось снова на этой ужасной турецкой земле!» [3, с. 183], – с горечью писал цесаревич Александр.

Выдающийся российский реформатор С.Ю. Витте отмечал: «У императора Александра III каждое слово не было пустым звуком... То, что он говорил, было им прочувствовано, и он никогда не отступал от сказанного им» [16, с. 267]. Война, которую он в самом начале приветствовал, серьезным образом повлияла на его мировоззрение, «много содействовала его развитию» [3, с. 215].

«Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, и всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры для того, чтобы избегать ужасов войны, конечно, если его (правителя) не вынудят к войне его противники, тогда грех, проклятия и все последствия этой войны пусть падут на головы тех, кто эту войну вызвал» [16, с. 267], – говорил Александр III С.Ю. Витте.

Участие в войне стало хорошей школой для цесаревича. Вступив на престол, он проводил взвешенную внешнюю политику, направленную на укрепление авторитета России на международной арене без применения военной силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 677. – Оп. 1. – Д. 307.
2. Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. – СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2001. – 400 с.
3. Александр III: pro et contra, антология / сост. И.Е. Барыкина, В.Г. Чернуха; вступ. статья В.Г. Чернухи; коммент. И.Е. Барыкиной. – СПб.: РХГА, 2013. – 894 с.
4. Письма Победоносцева к Александру III: в 2-х т. – М.: Новая Москва, 1925. – Т. 1. – 448 с.
5. Никифоров, К. Десятая война 130 лет спустя [Текст] / К. Никифоров // Родина. – 2009. – № 6. – С. 25.
6. ГАРФ. – Ф. 642. – Оп. 1. – Д. 705.
7. Федоров, В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие [Текст] / В.Г. Федоров. – СПб., 1911. – 432 с.
8. Зимин, И.В. Георгиевские кавалеры дома Романовых. Они отличились в турецкой кампании [Текст] / И.В. Зимин // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 9. – С. 76–77.

9. ГАРФ – Ф. 642. – Оп. 1. – Д. 707.
10. Фортунатов, П.К. Война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии [Текст] / П.К. Фортунатов. – М. : Учпедгиз, 1950. – 180 с.
11. ГАРФ. – Ф. 678. – Оп. 1. – Д. 732.
12. ГАРФ. – Ф. 642. – Оп. 1. – Д. 706.
13. Газенкамф, М.А. Мой дневник. 1877–1878 гг. [Текст] / М.А. Газенкамф. – СПб., 1908. – 624 с.
14. Золотарев, В.А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз восточного кризиса [Текст] / В.А. Золотарев. – М. : Animi Fortitudo, 2005. – 586 с.
15. Епанчин, И.А. На службе трех императоров [Текст] / И.А. Епанчин. – М. : Наше наследие, 1996. – 576 с.
16. Витте, С.Ю. Избранные воспоминания: 1849–1911 гг. [Текст] / С.Ю. Витте. – М. : Мысль, 1991. – 708 с.